

ББК 60.542.2

К. Ф. Завершинский, Н. А. Завершинская

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ГОСПОДСТВА

Социальные феномены, которые принято номинировать гендерными, наряду с многообразными социальными измерениями всегда имеют политические коннотации, даже если речь идет о гендерном конструировании в семейных отношениях или организации опыта повседневного существования. По словам П. Бурдьё, продуцирование социальных практик женственности и мужественности неизбежно сопровождается «инкорпорированием политики». В процессе подобной семантической экспансии «социально сформированное биологическое тело» и «базовое воспитание» политизируются, а дифференциация по половому признаку наполняется этическим, политическим и космологическим смыслом, который выражает «фундаментальные оппозиции видения мира» [2, с. 323—324]. На этот же аспект обращает внимание Д. Батлер, полагая, что гендер — «проект, совокупность навыков, следование “за”, воля, даже работа, цель которых принудить тело принять знаковое выражение одной исторической идеи, а не другой» [1, с. 295].

Но даже если вы не разделяете политического радикализма П. Бурдьё, основанного на критической интерпретации гендерных «габитусных схем», или «психики власти» Д. Батлер, сложно не согласиться с посылкой, что гендерная символизация постоянно присутствует в фоновых практиках современной политической легитимации. Хотя гендер не является единственным социальным полем, внутри и посредством которого артикулируется власть, он выступает «первичным средством» означивания и обозначения отношений власти, поэтому изменения в гендерных отношениях всегда соотносятся с «изменениями в репрезентации власти», а «лигитимирующая функция гендера действует во многих направлениях» (напр.: [7, с. 422, 425]).

Наиболее очевидно широкое использование символических практик «гендерных различий» в социальных технологиях конструирования и легитимации современного политического порядка, будь то в политическом дискурсе избирательных кампаний или политизации содержания символических объектов гендерной идентичности для получения эффекта политической мобилизации или дезинтеграции. При этом теоретическим фокусом современных исследований гендера и политики являются вопросы политической институционализации, организации и легитимации гендерного представительства. Они нацелены на расширение и усложнение «женской» презентации и репрезентации в публичном пространстве как необходимое условие достижения гендерного баланса (подробнее см.: [11, р. 99—103]).

Актуальность и высокий уровень смысловой вариативности современного публичного дискурса политической легитимации гендерных различий *проблематизирует вопросы теоретико-методологических оснований* изучения процесса «политической гендеризации», стимулирует смену приоритетов в исследовательских стратегиях и задачах при выявлении взаимосвязи гендера и политики. Поэтому представляется методологически значимой теоретическая посылка не столько исходить «из того, что мы знаем, *что такое гендер*, сколько задаться вопросом, каким образом конструируются значения полового различия» [8]. Причем проблему следует усматривать не только в дальнейшей диверсификации предметного горизонта и артикуляции все новых форм презентаций и репрезентаций «утонченного мужского коварства» для сохранения своего доминирования в институциональных структурах власти (см., напр. [12]). Эта проблема в значительной степени решена (решается) за десятилетия существования гендерных и феминистских исследований. В то же время растет актуальность методологической проблемы иного рода — выявлять, *как* структуры и идеи, создающие и осуществляющие властные отношения, формируют и устанавливают границы гендерного дискурса. Подобная методологическая проблематизация исследований взаимосвязи гендера и политики, как полагают авторы статьи, нацеливает на поиски теоретической комплементарности при ответе на вопросы, что такое политический гендер и как он обретает границы в социальном пространстве и времени.

Стремление к обретению оснований для артикуляции теоретической комплексности в гендерных исследованиях политического процесса предполагает ответ и на другой вопрос: что общего имеют гендер и половые различия с проявлениями власти, поскольку для методологической комплементарности необходим известный теоретический консенсус по данной проблеме. В гендерных исследованиях присутствует отчетливая тенденция представить отношения публичной власти и гендера как абсолютное доминирование первой стороны, которая экстраполируется на характеристику взаимосвязи политических аспектов мужественности и женственности. При этом дискурс феминности представляется символическим конструктом для легитимации мужского политического господства, а восстановление гендерного баланса в политике — как способ достижения консенсуса, преодолевающего, вытесняющего насильственные практики из гендерных отношений и политики в целом.

Весьма показательна в связи с этим ситуация с практикой интерпретации «инкорпорирования» политического в гендер в отечественной гендерной политологии. В ней, на наш взгляд, продолжает доминировать советский дискурс, нацеленный на соединение эксплицитной идеологии равенства полов с имплицитной идеологией «женской вторичности» [4, с. 235]. Думается, что подобные исследовательские тренды не столько рационализируют проблему взаимосвязи политики и гендера, политического господства и гендерного равенства, сколько ее мифологизируют и идеологизируют. Посылка, что гендерное насилие, прежде всего, в политической форме преходяще, а его вытеснение «политикой гендерной справедливости» должно привести к нормативному балансу, который трактуется как согласие, мало соответствует коммуникативным реалиям

современного общества, где наблюдается калейдоскоп продуцирования все более изощренных способов использования гендерных различий в публичном контроле человеческого существования. Это достаточно очевидно при наблюдении символических практик современных массмедиа. Подобная коммуникативная практика может содействовать включению женщины или мужчины в публичные пространства при сохранении социального порядка, а может блокировать креативный потенциал гендера в создании и поддержании легитимного политического порядка. В любом случае имеет смысл вспомнить ремарку Н. Лумана, что мотивация политических предпочтений всегда происходит не благодаря некому согласию, искореняющему хаос произвола, а благодаря процедуре включения/исключения, принуждения, которое номинируется легитимным или нелегитимным [6, с. 23].

Более предпочтительной кажется исследовательская установка, акцентирующая то, что гендер относится к значениям, которые данная культура придает половым различиям между мужчиной и женщиной. Но гендер — это не только система классификаций, благодаря которой биологические мужчины и женщины подвергаются отбору, разделению и наделению соответствующими половыми ролями. Гендер выражает универсальное неравенство между мужчинами и женщинами, т. е. подразумевает иерархию и власть, а не только простые различия [3, с. 11—13]. В рамках подобной когнитивной схемы универсальность гендера, как полагают авторы статьи, проявляется не столько в «прогрессе» гендерной справедливости и социального равенства полов, сколько в постоянном продуцировании все новых гендерных различий и адекватных им практик политической легитимации.

Обозначенная актуальность и проблемность исследования неустанного конфликтного «взаимооправдания» гендера и публичной власти, презентующая смысл и содержание процесса политической легитимации гендерного господства, позволяет высказать некоторые предположения относительно методологических оснований изучения социальных механизмов легитимации гендерного господства и обозначить в связи с этим ряд теоретических посылок.

Концепт «гендерное господство» можно рассматривать как способ наблюдения, описания и самоописания общества («гендерную линзу политики») и как коммуникативную практику конструирования институциональных и организационных ограничений насилия в политическом пространстве современного общества посредством символизации половых различий.

Подобное «описание» есть «авторитетная интерпретация» (Т. Парсонс) институциональных предписаний гендерного присутствия в политических коммуникациях. Символические продукты подобного описания могут обретать форму «гендерной памяти», которая, как и всякая социальная память, функционирует как комплекс «некоторых заведомо известных “предположений” (“социальных ожиданий”) о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» [5, с. 104]. В зависимости от динамики и конфигурации «гендерных ожиданий» происходит генерализация индивидуальных смыслов (начинается отсчет со-бытия «женщин», «мужчин» и иных гендерных номинаций), возникают гендерные идентичности и их политические проекции

как результат признания физическими индивидами наличия «публичных» координат у гендерных классификаций. Изучение специфики гендерных ожиданий во взаимосвязи с особенностями, порожденными ими в предметной, пространственной, а главное — темпоральной реальности (символических структур «женского» и «мужского времени» в политике) позволяет более отчетливо ответить на вопрос о смысле гендерного господства, т. е. «интернационализации» символически оформленных структур гендерных политических ожиданий [9, р. 95; 10, р. 9] во властные коммуникации.

Библиографический список

1. Батлер Д. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность : исследования по феминистской философии. М. : РОССПЭН, 2005. С. 292—303.
2. Бурдьё П. Мужское господство // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 286—364.
3. Киммел М. Гендерное общество. М. : РОССПЭН, 2006. 464 с.
4. Кукаренко Н. Н., Поспелова О. В. Гендерные исследования в российской политической науке // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990—2007). М. : РАПН : РОССПЭН, 2008. С. 231—246.
5. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
6. Луман Н. Эволюция. М. : Логос, 2005. 256 с.
7. Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрест. С. 405—436.
8. Скотт Д. Женская история и переписывание истории // Библиотека Гумер — социология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/skott_gens.php (дата обращения : 12.09.2011).
9. Habermas J. Legitimation Crisis. L. : Heinemann Educational Books, 1976. 163 p.
10. Hetherington M. J. Why Trust Matters: Declining Political Trust and the Demise of American Liberalism. Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 2005. 185 p.
11. Rethinking Women's Substantive Representation / K. Celis, S. Childs, J. Kantola, M. L. Krook // Representation. L. : Routledge, 2008. Vol. 44, № 2. P. 99—110.
12. Paul D., Smith J. L. Subtle Sexism? Examining Vote Preferences When Women Run Against Men for the Presidency // J. of Women, Politics and Policy. 2008. L. : Routledge, 2008. Vol. 29. P. 451—476.